

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-98-117

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ “БОЛЬШОЙ ИГРЫ” КЛАССИКАМИ РУССКОЙ ШКОЛЫ ГЕОПОЛИТИКИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена осмыслению сущности “Большой Игры” (The Great Game) — политики сдерживания развития России англосаксонскими элитами и державами, насчитывающей уже более двух столетий, классиками русской школы геополитики. Автор статьи рассматривает геополитические концепции основоположников цивилизационного подхода и цивилизационной геополитики — Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, представителей панславизма (Р.А. Фадеева, И.И. Дусинского), военно-стратегического направления (Д.А. Милютин, А.Е. Вандама, А.Е. Снесарева), евразийства (П.Н. Савицкого), Ю.С. Карцова, В.П. Семенова-Тян-Шанского, П.Н. Дурново.

Автор подчеркивает, что развитие русской геополитической мысли происходило в условиях отсутствия политического заказа со стороны государства, а также политических и экономических элит на выработку геополитической стратегии развития России и осуществления ее внешней политики. К сожалению, констатирует автор, многие идеи классиков русской школы геополитики (в частности по осмыслению ими сущности, содержания и динамики “Большой Игры”) оказались невостребованными правящими кругами и правительствами, среди которых было много лиц, англофильской ориентации, продвигающих идеи союзнических отношений с Англией в ущерб национальным интересам России.

В то же время, отмечает автор статьи, осмысление сути и особенностей развития событий “Большой Игры” представителями русской школы геополитики в значительной степени осуществлялось фрагментарно, часто в аспекте анализа многовекового цивилизационного противостояния России и романо-германского культурно-исторического типа (западноевропейской великой культуры, цивилизации), а не чисто континенталистских концепций.

К авторам, осмысляющих в своих произведениях сущность и знаковые события “Большой Игры”, относятся: представители панславизма — Н.Я. Данилевский, И.И. Дусинский, Р.А. Фадеев; представители военно-стратегиче-

* Продолжение. Начало в № 2 за 2024 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

ского направления — А.Е. Снесарев и А.Е. Вандам; Ю.С. Карцов и П.Н. Дурново. Остальные классики русской школы геополитики обращались к данной проблематике выборочно, в рамках других интересующих их тем.

Ключевые слова: “Большая Игра”, Русский мир, Англосаксонский мир, панславизм, цивилизационный подход, евразийство, военно-стратегическое направление.

UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE “GREAT GAME” BY CLASSICS OF THE RUSSIAN SCHOOL OF GEOPOLITICS (Continuation)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the essence of The Great Game — the policy of containing the development of Russia by Anglo-Saxon elites and powers, dating back more than two centuries, by the classics of the Russian school of geopolitics. The author of the article considers the geopolitical concepts of the founders of the civilizational approach and civilizational geopolitics — N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontyev, representatives of pan-Slavism (R.A. Fadeev, I.I. Dusinsky), military-strategic direction (D.A. Milyutina, A.E. Vandama, A.E. Snesareva), Eurasia (P.N. Savitsky), Y.S. Kartsova, V.P. Semenova-Tyan-Shansky, P.N. Durnovo.

The author emphasizes that the development of Russian geopolitical thought took place in the absence of a political order from the state, as well as political and economic elites to develop a geopolitical strategy for the development of Russia and the implementation of its foreign policy. Unfortunately, the author states, many ideas of the classics of the Russian school of geopolitics (in particular, in their understanding of the essence, content and dynamics of the Great Game) turned out to be unclaimed by the ruling circles and governments, among which there were many people, Anglophile orientation, promoting the ideas of allied relations with England, to the detriment of the national interests of Russia.

At the same time, the author of the article notes, the understanding of the essence and features of the development of the events of the “Great Game” by representatives of the Russian school of geopolitics was largely carried out fragmentally, often in the aspect of analyzing the centuries-old civilizational confrontation between Russia and the Romano-German cultural and historical type (Western European great culture, civilization), and not purely continentalist concepts.

Authors who comprehend the essence and significant events of the “Great Game” in their works include: representatives of Pan-Slavism — N.Ya. Danilevsky, I.I. Dusinsky, R.A. Fadeeva; representatives of the military-strategic direction — A.E. Snesarev and A.E. Vandam; Y.S. Kartsovo and P.N. Durnovo. The rest of the classics of the Russian school of geopolitics addressed this issue selectively, within the framework of other topics of interest to them.

Key words: “Great Game”, Russian World, Anglo-Saxon World, pan-Slavism, civilizational approach, Eurasianism, military-strategic direction.

Анализу сущности, перипетий и возможной динамике “Большой Игры” гораздо больше внимания, чем представители других направлений геополитики, уделяли генерал-фельдмаршал **Дмитрий Алексеевич Милютин**, генералы **Андрей Евгеньевич Снесарев** и **Алексей Ефимович Вандам (Едрихин)**. Эти исследователи, будучи и учеными-теоретиками (военными географами и военными стратегами), и практиками — активными участниками “Большой Игры” с российской стороны (государственными деятелями, военачальниками и разведчиками), в целом, составили военно-стратегическое направление в рамках русской школы геополитики.

Как практики-профессионалы они осмыслили глобальные стратегические задачи и интересы России, прежде всего, в контексте своего непосредственного участия в продолжающейся “Большой Игре” с Великобританией за контроль над евразийским пространством. Естественно, главным геополитическим противником России они считали Великобританию, и предлагали хорошо продуманные планы и стратегию действий против самого, по их мнению, коварного врага России. К сожалению, многие их вполне разумные и конструктивные предложения не только не были реализованы на практике, но и встречали явное противодействие со стороны англофилов в правительстве и чиновничьей бюрократии, действующей по принципу “как бы чего не вышло”, что трагически отобразилось в будущем на истории России XX в.

Данное обстоятельство очень хорошо описал сам генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин, анализирувавший деятельность российского министерства иностранных дел времен правления государя-императора Александра II: “Наше Министерство иностранных дел с давних времен держалось в азиатской политике систем пассивного консерватизма. Заботясь более всего о поддержании дружбы с Англией, оно противилось всякому нашему успеху в Средней Азии, дабы не возбуждать дипломатических запросов Лондонского кабинета, ревниво следившего за каждым нашим шагом в степях. Сам вице-канцлер князь Горчаков, почти не занимавшийся лично азиатскими делами и чуждый самых поверхностных сведений об Азии, не хотел даже вникать в обстоятельства, вынуждающие нас по временам принимать военные меры на азиатских наших окраинах, и приписывал всякое военное предприятие своеволию местных военных начальников, стремлению их к боевым отличиям и наградам”¹.

Д.А. Милютин анализировал роль и действия Англии в Кавказской, Крымской войнах, польских восстаниях, на азиатских и даль-

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 513.

невосточных пространствах. Он констатировал, что английская элита, элиты европейских держав, общественное мнение в Англии и странах Запада были настроены крайне агрессивно, пронизаны русофобскими настроениями и “глубокой враждебностью к России”². В частности, отмечал он, “общественное мнение во Франции и в Англии было до такой степени возбуждено против России, что никакие со стороны нашего правительства объяснения, ни самые широкие уступки не могли бы успокоить это настроение. В суждениях о польском деле господствовал полный хаос, отсутствие всякой логики. Даже в серьезной, практичной Англии раздавались на митингах яростные нападки на Россию, без малейшего понятия о действительном положении дел”³.

При этом при анализе хода и возможного развития событий “Большой Игры” Д.А. Милютин демонстрирует реализм и прагматизм в оценке возможностей России в борьбе с Англией, ее западноевропейскими и иными союзниками. В своих воспоминаниях он подчеркивал, что при “нашей относительной слабости для борьбы с многочисленной коалицией естественно возникал вопрос: нельзя ли изыскать средство, чтобы сколько-нибудь отвлечь внимание и силы наших противников. В особенности борьба с Англией представлялась крайне для нас невыгодной: ее флот угрожал бы нашим берегам, которые нам приходилось бы защищать на всем их протяжении, не имея никакой возможности наносить вред противнику; наш же флот был бы обречен, как и в бывшую Крымскую войну, на полное бездействие. Единственное для нас средство вредить Англии могло состоять лишь в том, чтобы угрожать ее торговле и колониям, посредством крейсеров, которые гонялись бы за бесчисленными коммерческими судами Великобритании, разбросанными по всей поверхности океанов и морей. Но для этого требовались два условия: первое — чтобы назначенные для крейсерства суда вышли из Балтийского моря заблаговременно, прежде объявления войны и второе — чтобы они имели где-либо опорные пункты”⁴.

Еще одним средством для противодействия Англии и отвлечения ее внимания и части сил от активной антироссийской деятельности в самых разных частях Евразии, Д.А. Милютин называл имитацию и осуществление действий демонстративного характера в среднеазиатском регионе.

“Хотя, — как писал Д.А. Милютин, — я всегда был убежден в том, что страхи Англии за ее ОстИндские владения совершенно

² См.: Милютин Д.А. Указ. соч. С. 67.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 207–208.

фиктивные, что в действительности мы не могли предпринять ничего серьезного в тех странах (при том положении, в котором мы находились в то время в Средней Азии), что наконец, подобные замыслы могли родиться только в голове Павла I, однако ж, я сказал себе: почему же не поугадать, хотя бы привидением, фантомом? и потому вошел в сношение с оренбургским генерал-губернатором Безаком о приготовлениях к экспедиции в Афганистан. Ober-квартирмейстер Оренбургского корпуса подполковник Залесов был вызван в Петербург для личных объяснений по этому предмету. Фантастический этот замысел, конечно, не имел в действительности никаких последствий; но слухи о нем проникли в английскую печать. Далее этого и не простиралась наша цель”⁵.

Генерал А.Е. Снесарев, в отличие от Д.А. Милютин, не считал возможный поход русских войск в Индию, транзитом через Афганистан, утопическим проектом. В ряде своих работ (например, “Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе”, “Англо-русское соглашение 1907 года”, “Афганистан” и др.) А.Е. Снесарев отмечал жизненную потребность значимость для Англии сохранения контроля над своими индийскими колониями, а также подходами к ним.

Ключевой точкой, своеобразными и единственными природными воротами — дорогой в Индию, по мнению А.Е. Снесарева, является Афганистан, вокруг которого на протяжении более ста лет ведется “длительная и неустанная политическая борьба между Англией и Россией из-за достижения влияния на Афганистан”⁶.

При этом, на его взгляд, “сам по себе Афганистан ни в экономическом смысле, ни в финансовом, ни в каком-либо другом значении не имеет; но, являясь постоянным преддверием к Индии, значение которого он не утерял и поныне и никогда не утерять, он является существенным политическим фактором и значительной политической величиной. Являясь постоянным объектом жадных пожеланий и завоеваний, Индия остается этим объектом и теперь, и та страна, которая в старые годы приводила к захвату этой мировой драгоценности, естественно, приведет к таковому и теперь”⁷.

А.Е. Снесарев выделил три периода русско-английских отношений в борьбе за контроль над среднеазиатскими пространствами и влиянием на Афганистан (разнящиеся “по своей длительности и важности”⁸), каждому из которых “свойственно определенное от-

⁵ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 210.

⁶ Снесарев А.Е. Афганистан. М., 2002. С. 200.

⁷ Там же. С. 201–202.

⁸ См.: Там же. С. 204.

ношение к Афганистану как со стороны России, так и со стороны Англии”⁹.

Первый период берет свое начало “от египетской кампании Наполеона, от 1800 года, или с 1801 года, классического похода Павла на Индию, до начала нашего передвижения в 60-х годах в Средней Азии”¹⁰. Его характеризует возникновение и оформление у французских и русских глав государств и государственных деятелей идеи восприятия Индии (вернее английских колоний в Индии), как своеобразной “Ахиллесовой пяты” Англии, через которую может быть нанесен “главный удар могуществу Англии”¹¹. Например, отмечает А.Е. Снесарев, “эту мысль разделяла и Екатерина Великая, которой французом Сен-Жени чрез принца Нассауского был представлен даже специальный проект экспедиции в Индию”¹².

На практике данную идею пытался осуществить Наполеон, а также Государь-император Павел I. Наполеон на протяжении десяти лет, в период с 1798 по 1808 г. предпринял две попытки (в 1800 и 1807 гг.) реализации разработанных им проектов походов на Индию. “Первый предусматривал совместные действия с Россией, второй был составлен в расчете на помощь Персии”¹³.

Павел I в 1801 г. направил донских казаков в оренбургские степи, откуда они должны были “двигаться тремя дорогами через Бухарию и Хиву на реку Инд”¹⁴, с целью «разорить все английские фактории и учреждения в Индии, освободить угнетенных владельцев, “а землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан, и торг обратить к нам”. Казаки, как известно, выступили в составе 22½ тысяч человек с 24 орудиями, но не успели дойти до Оренбурга, как получили известие о смерти Павла и повеление от нового государя вернуться в места своих постоянных квартир»¹⁵.

А.Е. Снесарев оценивал действия Павла I в значительной степени, как образец “стратегического и политического донкихотства”¹⁶, так как цель похода в тот период была трудна реализуема, сам поход был не подготовлен и явно бы закончился неудачей.

Тем не менее, англичане испугались и в дальнейшем с целью недопущения возможности проникновения России в среднеазиатский

⁹ Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 204.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 205.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 205–206.

¹⁶ Там же. С. 204.

регион, выхода ее к границам Афганистана, а затем Индии, предприняли ряд действий, в том числе силового характера (первая англо-афганская война 1838–1842 гг.) для того, чтобы подчинить себе Афганистан и включить его в сферу своего влияния. Неудача в войне с Афганистаном и поступательное продвижение России в Средней Азии явились причинами, побудившими Англию к участию в Крымской войне 1854–1855 гг., “хотя для нас (России — С.Е.) налицо были и более непосредственные причины. Нужно вспомнить, что в это время наше стремление к Средиземному морю было в большом размахе, идеология православного креста на Софии и освобождение братьев-славян от турецкого ига достигали полного расцвета. Все это было слишком опасно для главной коммуникационной линии, связывающей Индию с Англией, той самой линии, значение которой возрастало с каждым кубом вынутой земли строившегося тогда Суэцкого канала”¹⁷.

При оценке событий Крымской войны, как одного из значимых эпизодов “Большой Игры”, А.Е. Снесарев подчеркивал, что “в истории среднеазиатского вопроса крымская кампания сыграла крупную роль, предопределяя надолго политическую и военную ориентацию Англии и России. Гибель нашего средиземного флота пресекла в корне и надолго наши завоевательные тенденции, связанные с проливами и Царьградом. Но эта же гибель, слишком принизившая нас по отношению к Англии, заставила искать иных дорог для восстановления нашего на нее влияния, или правильное — ее от нас зависимости. Крымская война, главным образом, и выявила смысл наших будущих подходов к Индии, т.е. вскрыла существо среднеазиатской проблемы. Хотя было ясно, что мы в Средней Азии еще слишком слабы и вести наступательных операций против Индии не можем, но уже важно было теоретическое или пока кабинетное сознание, что дорога к восстановлению нашего международного равновесия с Англией пролегла по Средней Азии, а не направлялась, как раньше, к Средиземному морю, и что пока далеким фонарем, освещающим этот крупный путь, была Индия. Эта опознанная к моменту Крымской кампании мысль, а к концу ее окончательно созревшая, интересно отразилась на тогдашних проектах походов на Индию”¹⁸.

А.Е. Снесарев, анализируя содержание появившихся в этот период проектов похода русских войск в Индию при содействии в этом Персии и Афганистана, в частности отмечал, что хотя они

¹⁷ Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 211

¹⁸ Там же. С. 211–212.

были “так же поверхностны, как проекты Наполеона, и немногим выше причудливого похода Павла, но они показывают определенное и реальное направление политической мысли России по отношению к Средней Азии; они показывают, что со времени Крымской кампании перед Россией встала более конкретная и реальная проблема. Что эта проблема была реальна, это подтвердили шестидесятые и семидесятые годы наших завоеваний в Туркестане. Постепенно, как колосья под косою, падают Ташкент, Хива, Самарканд, Бухара, Коканд. Никогда еще в Средней Азии мы не достигали таких быстрых и ярких успехов. Как и нужно было ожидать, наши успехи очень переполошили англичан и привели их к выводу, что их старая политика по отношению к Афганистану, состоящая в том, чтобы путем разных и довольно пассивных мер добиться над ним своего контроля (наличность резидента в Кабуле и запрет внешних сношений), была ошибочна, она не давала каких-либо обеспечивающих Индию результатов”¹⁹, — писал этот ученый. По его мнению, “стало ясно, что центр тяжести не в самом Афганистане, а в России и именно: в степени активности ее среднеазиатской политики и в степени ее отдаленности от Афганистана. И вот задача — всеми мерами остановить наступательное движение России и смирить активность ее политики — и составляет основной тон британских интересов во втором”²⁰ периоде русско-английских отношений в борьбе за контроль над среднеазиатскими пространствами и влиянием на Афганистан.

Второй период русско-английской борьбы за контроль над Средней Азией и Афганистаном А.Е. Снесарев хронологически определяет — от начала активного русского продвижения в Средней Азии “до Памирского разграничения в 1895 году”²¹. Во второй период данного противостояния Англия, на взгляд А.Е. Снесарева, “ставит себе главной политической задачей в Средней Азии задержать Россию всеми имеющимися ресурсами на приличном удалении от Афганистана (а значит и Индии) и ослабить ее среднеазиатский размах... Правда идея первого периода — достижение контроля над Афганистаном — еще не была изжита англичанами, и вторая англо-афганская война велась еще под этим знаменем, но идея уже потухала, так как отчасти была осуществлена; кроме того, для англичан было ясно, что центр тяжести с 60-х годов был перенесен на деятельность и шаги России... их нужно было приостановить во

¹⁹ Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 211–212.

²⁰ Там же. С. 212.

²¹ Там же. С. 211.

что бы то ни стало. Но и со стороны России мы видим большие достижения в области среднеазиатской проблемы. В России начинают понимать, что лежащая недалеко от нас Индия является в наших руках огромным политическим козырем, что, благодаря этому географическому благоволению судьбы, мы можем оказывать огромное влияние на Англию и притом одним лишь фактом осуществления нашей угрозы по адресу ее драгоценной колонии. В наших политических кругах начинает выявляться та плодотворная мысль, что на все против нас посягания и интриги Англии мы с большим успехом можем ответить соответствующим нажимом в Средней Азии”²².

В рамках осмысления второго периода “Большой Игры” А.Е. Снесарев размышлял о значении русско-турецкой войны 1877–1878 гг., как и в случае с Крымской войной, ставшей “для России видным этапом в прозревании и выяснении среднеазиатского вопроса”²³ и «дояснившей нам “Ахилесову пяту” Англии»²⁴, коей являлись Афганистан, над которым англичане так и не смогли установить политический контроль по результатам второй англо-афганской войны 1878–1882 гг.

В целом, второй период русско-английской борьбы за контроль над Средней Азией и Афганистаном А.Е. Снесарев определяет как “период, в течение которого Англия всеми способами хотела приостановить наше наступление и положить ему предел, а Россия, дипломатически оправдываясь и обороняясь, шла неудержимо вперед, применяя вооруженную силу”²⁵.

Третий период “среднеазиатских отношений” России и Англии, на взгляд А.Е. Снесарева, берет свое начало от Памирского разграничения 1895 г. и продолжается вплоть до советского периода российской истории. В этот период в 1907 г. между Российской империей и Англией было заключено соглашение о разграничении сфер влияния в Азии, которое А.Е. Снесарев подверг жесточайшей критике, считая его стратегически значимой ошибкой российского правительства в продолжающемся противостоянии с Англией. Он подчеркивал неискренний характер соглашения 1907 г. со стороны Англии, в чем состояла на его взгляд и основная опасность этого соглашения²⁶. По результатам заключения данного соглашения Россия

²² Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 215.

²³ Там же. С. 216.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ Там же. С. 223.

²⁶ См.: Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года // Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи. М., 2017. С. 223.

“обрела” только то, что и так было у нее, в свою очередь в ущерб себе официально отказавшись “от нашей исторической задачи пробиться когда-либо к берегам Индийского океана”²⁷, а также признав Афганистан находящимся в сфере английского, а не российского влияния²⁸.

Как показали последующие события Первой мировой войны и Февральского переворота 1917 г., опасения А.Е. Снесарева, за которые он был вынужден пострадать в карьерном плане, были более чем обоснованы.

В целом, давая характеристику третьему периоду русско-английской борьбы за контроль над Средней Азией и Афганистаном, А.Е. Снесарев (пошедший во время Гражданской войны в России на службу к большевикам и вынашивавший идею похода Красной Армии через Афганистан в Индию) отмечал то, что англичане, после поражения в третьей англо-афганской войне 1919 г., фактически отказались от установки политического контроля над Афганистаном, “так как ясно понятно, что Афганистан сам по себе беден, слаб и бессилён, что влияние, достигнутое над ним, не сулит ничего определенного”²⁹.

В свою очередь большевистское правительство легко и беспрепятственно установило “непосредственные сношения с Афганистаном, что раньше не давалось, и на каковой акт старое правительство склонно было смотреть, как на *casus belli*. Оказалось, это было простым политическим миражем. Россия имеет теперь в Кабуле своего представителя, посылала в Афганистан свое посольство, принимала в Москве афганскую миссию, имеет с Кабулом систематическую связь. Правда, Англия вела с Афганистаном войну, но, быстро ее выиграв, она ничего победой не приобрела и на сношения России с Афганистаном принуждена смотреть сквозь пальцы... Специалисты давно предвидели подобный исход, и не один раз говорили, что при сильном и решительном языке Англия, по существу, очень слабая в Средней Азии, всегда должна будет пойти на уступки”³⁰.

В ближайшей перспективе, по мнению А.Е. Снесарева, дающего совет большевистскому правительству, Индия все также осталась “самой дорогой, но и самой уязвимой ценностью Англии. Если вы хотите ниспровергнуть господствующего над миром властителя

²⁷ Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года. С. 199.

²⁸ См.: Там же. С. 200.

²⁹ Снесарев А.Е. Афганистан. С. 223.

³⁰ Там же. С. 229.

или, как иногда говорят, мирового аристократа, то бейте его по Индии; если вы хотите подорвать капиталистическую над миром тиранию Англии — бейте ее по Индии”³¹.

Следует отметить, что такого рода оценка англо-русских взаимоотношений была присуща и другим представителям военно-стратегического направления. Самые разнообразные аспекты российско-британских взаимоотношений, особенности и динамику развития “Большой Игры” затрагивал в ряде своих работ (“Письма о Трансваале”, “Наше положение”, “Величайшее из искусств (обзор современного положения в свете высшей стратегии)”) генерал А.Е. Вандам (Едрихин), который в отличие от А.Е. Снесарева не пошел на службу к большевикам, а воевал с ними, являясь одним из лидеров “Белого движения” в Прибалтике.

В частности, в своей работе “Наше положение” (1912 г.) он отмечал крайне актуальные и для современного периода геополитические особенности развития русского народа и государственности. Прежде всего, А.Е. Вандам акцентировал внимание на геостратегическом, геополитическом, природном и пространственном положениях России и их влияниях на развитие русской внешней политики и государственности. Как отмечал А.Е. Вандам, “несмотря на большие размеры своей территории, русский народ, по сравнению с другими народами белой расы, находится в наименее благоприятных для жизни условиях. Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада. Затем, не имея доступа к теплым наружным морям, служащим продолжением внутренних дорог, он испытывает серьезные затруднения в вывозе за границу своих изделий, что сильно тормозит развитие его промышленности и внешней торговли и, таким образом, отнимает у него главнейший источник народного богатства. Короче говоря, своим географическим положением Русский народ обречен на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворенное существование”³².

Неудовлетворенность русского народа своим существованием, на взгляд А.Е. Вандама, выражалась «в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении “к солнцу и теплой воде”, а последнее в свою очередь совершенно ясно определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь»³³.

³¹ Снесарев А.Е. Афганистан. С. 229.

³² Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский; М., 2002. С. 30.

³³ Там же.

Однако это естественное стремление “к солнцу и теплой воде” встретилося с активным противодействием со стороны англосаксонского мира, поэтапно и планомерно реализующего стратегию Анаконды в отношении России. “План этой борьбы, — подчеркивал А.Е. Вандам, — разработанный самыми сильными англосаксонскими умами и доведенный до сведения народа посредством сотен тысяч экземпляров сочинения адмирала Мэхана, сенатора Бевериджа, Джозайи Стронга и других выдающихся своими талантами писателей, заключался, в общих чертах в следующем. Главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ. Полная удаленность его от мировых торговых трактов, т.е. моря, и суровый климат страны обрекают его на бедность и невозможность развить свою деловую энергию. Вследствие чего, повинаясь законам природы и расовому инстинкту, он неудержимо стремится к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей длинной фронтальной линии. На путях его наступления лежат Китай, Персия и Малая Азия, население которых истощило уже свою творческую энергию. Между тем страны эти нуждаются во многом. Уже одна постройка десятков тысяч верст железных дорог явилась бы широким полем деятельности для русских инженеров, оживила бы русскую промышленность и дала бы русскому народу обильные средства для дополнительного питания и для развития его высоких от природы физических и духовных качеств, что в свою очередь сделало бы его еще более сильным соперником англосаксов”³⁴.

Поэтому англичане, стремясь уничтожить своего основного геополитического конкурента, его военный и торговый флот, но, не имея возможности победить русских в прямом столкновении и, не получая решающих преимуществ в результате натравливания на нее ближайших соседей, приступили к созданию в России (посредством задействия самых разных “политических организаций, которые заинтересованы в разложении России”³⁵, прежде всего масонства) своего внутреннего союзника — нашего внутреннего врага, — “пятой колонны” из террористов и экстремистов самых разных мастей, умело руководя ими при осуществлении спецоперации по реализации в России “русской революции”.

А.Е. Вандам, отдает должное противнику и отмечает рационализм и прагматизм англосаксов в умении достигать поставленных перед собой целей для обретения мировой геополитической гегемонии. В основе могущества Англии лежит, на его взгляд, прежде

³⁴ Вандам А.Е. Указ. соч. С. 88–89.

³⁵ Там же. С. 89.

всего, не ее пространственное, очень удобное и неуязвимое для континентальных держав стратегическое положение, а “деятельный характер английского народа и изумительные военные способности правящих его классов”³⁶.

“Своими неизменными успехами над материком, — отмечает А.Е. Вандам, — даровитые островитяне обязаны не каким-либо борющимся за них таинственным силам, а исключительно самим себе, т.е. своим большим и точным знаниям, определенной постановке целей и планомерному стремлению к последним. Превосходя во всем этом континентальные народы, они и обращаются с ними так, как знающие и сильные опытом мастера обращаются со своими знакомыми лишь с одной рутиной подчиненными”³⁷.

С учетом данного обстоятельства, абсолютно неудивительным, по мнению А.Е. Вандама, является то, что Англия, как правило, предпочитает воевать на суше не своими, а чужими руками. “Вместо того чтобы проливать драгоценную кровь своих подданных, — подчеркивал ученый, — она снабжала сражавшиеся за нее континентальные армии пушками, снарядами, ружьями, одеялами, сапогами, палатками, седлами, шанцевым инструментом и т.п.; не участвовавших в бою она одевала в свои ткани, привозила им посуду, стальные изделия, предметы роскоши и, как хозяйка морей, обеспечивала материк всеми колониальными товарами”³⁸. При этом, еще активно на этом и зарабатывала.

В долгой борьбе за обретение мировой морской гегемонии, Англия поэтапно одержала победу над всеми своими конкурентами (Голландией, Испанией, Францией). В результате, “сделавшись единственной обладательницей морских путей и распространив свое политическое и экономическое господство на большую часть земного шара, Англия напрягала и продолжает напрягать все усилия к тому, чтобы удержать за собою это исключительное положение, и на всякую попытку со стороны других континентальных держав выйти в море смотрела и продолжает смотреть как на посягательство на ее жизненные интересы”³⁹.

После разгрома наполеоновской Франции, Англия перенесла свое пристальное внимание на “Россию, ибо, со вступлением на престол Императора Николая I, последняя снова обратилась к своим собственным делам и, начав наступление правым флангом к Сре-

³⁶ Вандам А.Е. Указ. соч. С. 167.

³⁷ Там же. С. 183–184.

³⁸ Там же. С. 137–138.

³⁹ Там же. С. 150.

диземному морю и Персидскому заливу, могла прорвать здесь английскую блокаду и сделаться морской державой, т.е. дать выход наружу своим глохнущим взаперти силам и средствам. Ввиду этого, сейчас же став за спиной Турции и Персии для удержания первых наших натисков, англичане вместе с тем начали сосредоточивать к нашему правому флангу силы всей континентальной Европы. Этот маневр, требовавший для своего выполнения многих лет, представляет собою лучшее доказательство того, с какою непрерывностью, последовательностью и искусством работает английский кабинет, независимо от смены стоящих во главе его лиц⁴⁰.

События Крымской войны показали замысел англичан удушить Россию в объятиях стратегии Анаконды. После создания коалиции европейских держав “англо-французские эскадры двинулись к Петропавловску-на-Камчатке, в Белое и Балтийское моря, а главные силы союзного флота и десантная армия направились в Черное море и на Крымский полуостров. С безошибочностью хорошего хронометра подготовив, таким образом, удар и направив его одновременно на все наши побережья, Англия утопила наш Черноморский флот, начинавший уже выдвигать из себя Нахимовых и Корниловых, дотла razорила его базу, сделала Черное море нейтральным и запретила нам строить на нем новые военные суда⁴¹.

От реализации стратегии Анаконды в отношении России англичане не отказались и впоследствии. Вооружив Японию и натравив ее на Россию, в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг., существенно потеснив Россию и уничтожив русский флот в Желтом море, англичане вытеснили “нас с Тихого океана, почти наглухо забаррикадировали весь государственный фронт наш от устья Дуная до устья Амура. Недавний крутой поворот их от открытой вражды к внешнему дружелюбию совершился под давлением весьма серьезных перемен в стратегических условиях на континенте Европы, происшедших в последние годы⁴².

Губительной ошибкой для России, на взгляд А.Е. Вандама, явилось вступление ее в союзе с Великобританией в блок Антанты против Германии (к этому моменту ставшей серьезным конкурентом и соперником Англии), поскольку, как он предвидел, Великобритании удастся столкнуть в кровопролитной общеевропейской войне друг с другом двух своих опасных конкурентов: Россию и Германию. А затем, предельно ослабив их, добиться своих стратегических целей и задач.

⁴⁰ Вандам А.Е. Указ. соч. С. 141–142.

⁴¹ Там же. С. 144.

⁴² Там же. С. 158.

В своей работе “Величайшее из искусств” (1913 г.) пророчески предсказывая причины, а также весь ход и результаты Первой Мировой войны в том числе и для России, А.Е. Вандам говорит о необходимости создания коалиции континентальных держав (России, Германии и Франции) против Великобритании и ее союзников. На его взгляд, российскому руководству необходимо выработать и, в дальнейшем, scrupulously придерживаться в своих действиях, полноценной стратегии национального развития, основанной на глубоком понимании ее глубинных интересов и исходящих от англосаксов угроз.

“Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших собственных, правильно понимаемых интересов — у нас не будет причин опасаться наших соседей, ибо самый сильный из них — Германия великолепно понимает, что если ее будущее зависит от ее флота, то существование последнего зависит от русской армии”⁴³.

Схожую позицию с позицией А.Е. Вандама и отчасти А.Е. Снесарева в оценке англо-русского соглашения 1907 г., а также перспектив и последствий участия России на стороне Англии в Первой мировой войне занимал бывший министр внутренних дел, член Государственного Совета **Петр Николаевич Дурново**. В своей Записке Государю-императору Николаю II, датированной февралем 1914 г., П.Н. Дурново дал блестящий и во многом провидческий прогноз возможного хода развития Первой мировой войны, последствия вступления в нее России, предсказав начало революций в России и Германии.

По мнению П.Н. Дурново, центральным местом и фактором в развитии геополитических процессов и человеческой истории начала XX в. является соперничество двух мировых держав — Англии (морской державы) и Германии (державы континентальной), которое неизбежно должно привести не только к вооруженному конфликту между ними, но и между блоками держав, находящимися между собой в союзнических отношениях. Данный конфликт, порожденный несовместимостью их интересов, будет борьбой не на жизнь, а на смерть. Англия, не имея возможности сама окончательно победить Германию в данном соперничестве “постарается прибегнуть к не раз с успехом испытанному ею средству и решиться на вооруженное выступление не иначе, как обеспечив участие в войне

⁴³ Вандам А.Е. Указ. соч. С. 186.

на своей стороне стратегически более сильных держав. А так как Германия, в свою очередь, несомненно, не окажется изолированной, то будущая англо-германская война превратится в вооруженное между двумя группами держав столкновение, придерживающимися одна германской, другая английской ориентации”⁴⁴.

П.Н. Дурново констатирует, что до событий “русско-японской войны русская политика не придерживалась ни той, ни другой ориентации”⁴⁵, однако после ее завершения внешнеполитический курс России был избран на всесторонне сближение с Англией, образование блока Антанты и скорое в силу этого неизбежное столкновение с Германией и ее союзниками (Австро-Венгрией и Турцией).

Критично оценивая внешнеполитический курс российского правительства, П.Н. Дурново отмечал, что очень “трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные нами в результате сближения с Англией”⁴⁶, которое в скором будущем “неизбежно сулит нам вооруженное столкновение с Германией”⁴⁷.

При этом все тяготы предстоящей мировой войны неминуемо падут на Россию, “так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить и сил, и внимания”⁴⁸. Естественным будет также и то, что эта “война, независимо даже от ее исхода, ослабит Россию и отвлечет ее внимание на Запад”⁴⁹ (от других весьма перспективных направлений).

П.Н. Дурново признавал очевидную неготовность России к неизбежной длительной войне, которая неминуемо приобретет характер войны на истощение. Он писал о недостаточности вооружений, военных, огневых запасов, зависимости оборонной промышленности от иностранной промышленности и поставок товаров и комплектующих из-за границы, восполнить отсутствие которых, в случае блокады портов, будет очень сложно.

⁴⁴ Записка П.Н. Дурново // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014. С. 58.

⁴⁵ Там же. С. 59.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 61.

⁴⁸ Там же. С. 62–63.

⁴⁹ Там же. С. 63.

При этом этот исследователь отмечал, что указанные обстоятельства и факторы не принимаются в расчет российским правительством и дипломатией, “поведение которой, по отношению к Германии, не лишено, до известной степени, даже некоторой агрессивности, могущей чрезмерно приблизить момент вооруженного столкновения с Германией, при английской ориентации, в сущности неизбежного”⁵⁰.

П.Н. Дурново подвергал критике действия российского правительства и ее английскую ориентацию, считая, что “Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств. Будущее Германии на морях, то есть там, где у России, по существу наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов. Заморских колоний у нас нет и, вероятно, никогда не будет, а сообщение между различными частями империи легче сухим путем, нежели морем. Избытка населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается, но даже с точки зрения новых завоеваний, что может дать нам победа над Германией?”⁵¹.

Возможное открытие для России черноморских проливов, как озвучиваемая дипломатами причина заключения союза с Англией, на его взгляд, не является основанием для начала войны с Германией, так как именно “Англия, а совсем не Германия, закрывала нам выход из Черного моря”⁵², а обретение контроля над ними отнюдь не означает получение выхода в открытое море “так как за ними идет море, почти сплошь состоящее из территориальных вод, море, усеянное множеством островов, где, например, английскому флоту ничего не стоит фактически закрыть для нас все входы и выходы, независимо от проливов”⁵³.

В то же время, по мнению П.Н. Дурново, “действительно же полезные для нас и территориальные, и экономические приобретения доступны лишь там, где наши стремления могут встретить препятствия со стороны Англии, а отнюдь не Германии. Персия, Памир, Кульджа, Кашгария, Джунгария, Монголия, Урянхайский край — все это местности, где интересы России и Германии не сталкиваются, а интересы России и Англии сталкивались неоднократно”⁵⁴.

⁵⁰ Записка П.Н. Дурново. С. 64.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 65.

⁵³ Там же. С. 65.

⁵⁴ Там же. С. 65–66.

П.Н. Дурново отмечал также и тот факт, что в экономической сфере русские пользы, нужды и выгоды отнюдь не вступают в противоречие с немецкими и поражение Германии в предстоящей войне не принесет никаких экономических выгод и дивидендов России (а только ущерб и возможные упущенные выгоды) и, удовлетворит исключительно интересы Британии⁵⁵. Более того, предстоящие расходы на войну превышают не только возможные ее сомнительные выгоды, но и “ограниченные финансовые ресурсы России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром. Не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства. Но даже победа сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки. Продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы. То немногое, что может быть удастся с нее урвать, придется делить с союзниками, и на нашу долю придется ничтожные, по сравнению с военными издержками, крохи. А между тем военные займы придется платить не без нажима со стороны союзников. Ведь, после крушения германского могущества, мы уже более не будем им нужны. Мало того, возросшая, вследствие победы, политическая наша мощь побудит их ослабить нас хотя бы экономически. И вот неизбежно, даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую же финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам”⁵⁶.

Грядущая мировая война, на взгляд П.Н. Дурново, “независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном многолетнем изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу”⁵⁷. Существуют, отмечал П.Н. Дурново, большие риски того, что в случае неудачного участия в данной мировой войне, “Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению”⁵⁸. Хотя и Германии, по его

⁵⁵ См.: Записка П.Н. Дурново. С. 66–69.

⁵⁶ Там же. С. 69.

⁵⁷ Там же. С. 70.

⁵⁸ Там же. С. 72.

мнению, в случае неудачи, “предстоит пережить не меньшие социальные потрясения, чем России”⁵⁹, так как она потерпев поражение в войне будет лишена своих “мировых рынков и морской торговли, ибо цель войны, — со стороны действительного ее зачинщика Англии, — это уничтожение германской конкуренции”⁶⁰.

Следует отметить, что П.Н. Дурново фактически справедливо рассматривал создание блока Антанты, Первую мировую войну и последующие революционные события в России и Германии, как эпизоды борьбы англичан за мировую геополитическую гегемонию, все продолжающейся “Большой Игры” с Россией, в основе которых лежит желание “Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями”⁶¹. В отказе от союзнических отношений с Англией, налаживании взаимодействия с Германией и другими европейскими странами, он усматривал возможность для России избежать надвигающейся катастрофы. К сожалению, его пророческие предупреждения, так и не были услышаны.

Окончание следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский; М., 2002.
Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
Записка П.Н. Дурново // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014.
Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003.
Снесарев А.Е. Афганистан. М., 2002.
Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи. М., 2017.

REFERENCES

- Elishev S.O. O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh perevorotov [On the essence of “modern revolutions” and coups d'état]. М., 2017 (in Russian).
Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Policy. Basic concepts]. М., 2018 (in Russian).
Milyutin D.A. Vospominaniya. 1863–1864 [Memories. 1863–1864]. М., 2003 (in Russian).
Snesarev A.E. Afganistan [Afghanistan]. М., 2002 (in Russian).

⁵⁹ Записка П.Н. Дурново.

⁶⁰ Там же. С. 72–73.

⁶¹ Там же. С. 72–73.

Snesarev A.E. Indiya kak glavnyj faktor v sredneaziatskom voprose. Izbrannye stat'i [India as the main factor in the Central Asian issue. Selected articles]. M., 2017 (in Russian).

Vandam A.E. Geopolitika i geostrategiya [Geopolitics and geostrategy]. Zhukovskij; M., 2002 (in Russian).

Zapiska P.N. Durnovo [Note from P.N. Durnovo] // Svet i teni Velikoj vojny. Pervaya mirovaya v dokumentah epohi. M., 2014 (in Russian).